

ФОЛЬКЛОРИСТИКА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ФИНЛЯНДИИ

В статье обсуждается зарождение и развитие финской национальной идеи, начиная с конца XVII века. Отделение Финляндии от Шведского королевства и присоединение к России в начале XIX века было водоразделом, заставлявшим финских ученых в университете Турку перестроить свой идентитет. Общий интерес к эпической народной поэзии и разные попытки опубликовать поэмы в печатном виде привели к созданию Элиасом Лённротом национального эпоса «Калевала» в 1835 г. Позже финские фольклористы участвовали в конструировании финской национальной идеи и национального государства. После Второй мировой войны националистическая ориентация постепенно превратилось в аналитическое и критическое рассмотрение национализма и роли фольклористических исследований в конструировании нации.

Ключевые слова: Финляндия, финская национальная идея, национализм, эпос, фольклор, фольклористы, Калевала, Россия.

Идея о финской нации начала развиваться с конца XVII века, когда такие ученые-энтузиасты, как Даниэл Юслениус конструировали для Финляндии и финнов великое прошлое. В то время академические ученые, к примеру, Юслениус в качестве преподавателя Абоской Академии в Турку, не стремились к научным истинам с помощью критического анализа источников. Юслениус очертил финнам фантастическую историю, начиная со времен Ветхозаветного потопа. Он считал, что финны были потомками Яфета, сына Ноя, перебравшимися в Финляндию, а финский язык являлся родственным древнееврейскому¹.

Такие высказывания интересны нам тем, что в них проявляется желание доказать достоинство нации с помощью представления ее славного древнего прошлого. В течение XVIII века понимание характера научной деятельности изменилось в сторону, более отвечающему современным академическим нормам. Многие преподаватели Абоской Академии второй половины XVIII века серьезно и критически изучали финскую народную поэзию и мифологию. Самым влиятельным из них был профессор латинского языка Хенрик Габриэл Портан, который написал первое исследование о финской поэзии. Он также подчеркивал, что финны должны были не только собирать и изучать свою старую поэзию, но и уважать и любить ее².

Портан в этом следовал общеевропейскому примеру. Многие ученые-гуманисты того времени считали, что народная поэзия способна передать сведения о таком далеком прошлом, а с помощью исторических документов этого нельзя достичь. Тогда имели в виду не конкретные события прошлого, а какую-то древнюю идеологию, понимание национальной особенности. Может быть, сегодня это можно назвать менталитетом. Подобные идеи воплощались в немецкой идеалистической философии и литературе³. Портан и его коллеги читали произведения немецких коллег и были знакомы с их идеями.

В Финляндии интерес к народной поэзии получил новую значимость после того, как Великое Княжество Финляндское после Шведско-Российской войны 1808–1809 годов стало частью Российской империи. Это изменение потрясло национальную интеллигенцию в Финляндии и привело к некоему кризису идентитета⁴.

Некоторые теоретики национализма составили трехступенчатую схему для изображения развития националистической деятельности. На первой ступени лишь некоторые энтузиасты интересовались национальной идеей в своем обществе и изучали историю и культуру своего народа. На второй ступени работали уже систематично в сфере культуры, затрагивая более широкие слои общества и высказывали требования социальных реформ, например, улучшение положение языка. На третьей ступени, наконец, стремились через массовую организацию активности к государственной независимости. Подобные схемы предложили Мирослав Хрох⁵ и Эрик Хобсбавм⁶.

В Финляндии в первые десятилетия XIX века находились еще на первой ступени, но уже собирались перейти на вторую. Местная интеллигенция в Турку, а потом, после переноса университета, в Хельсинки, занималась собиранием и публикацией старого фольклора и мечтала о создании целого эпоса, подобного классическим европейским произведениям Гомера, Песни о Нибелунгах или Эдде. Эту мечту в 1817 году высказал Карл Аксел Готтлунд, но идею осуществил Элиас Лённрот, «Калевала» которого была опубликована в 1835 году.

«Калевала» оказалась воплощением национальных мечтаний финской интеллигенции. Наконец финны имели образец художественного литературного мастерства, который убедительно показал, что финский язык способен выражать самые высокие идеи. Также «Калевала» дала финской интеллигенции то, в чем она, прежде всего, нуждалась: древнюю историю, как будто свидетельство о существовании финской нации со своими героями уже в древнее время. Одновременно началась и дискуссия о некоторых спорных вопросах: правильно ли реконструирован древний эпос и имеет ли он исторический или мифологический характер – то есть, являются ли главные герои людьми или божествами?

Второе, дополненное издание Калевалы вышло в 1849 году, и выбранные отрывки текста, а, наконец, и весь эпос, были переведены на разные европейские языки, так что «Калевала» стала и международно-известной. Проблематичным являлось то, что на языке оригинала текст был доступен только небольшой группе людей, потому что верхние слои общества говорили на шведском языке и с трудом понимали финский. Тираж первого издания был 500 экземпляров, и книга продавалась на протяжении более десяти лет⁷.

В последовавшие десятилетия начали сознательно развивать финский язык для современного общества, администрации и науки. Элиас Лённрот стал профессором финского языка в Хельсинкском университете. Он и его коллеги – «соратники» – придумали множество новых слов и выражений для языка. «Калевала» стала важным символом национального идентитета, и она вдохновляла, помимо ученых, разных представителей искусства: художников, композиторов, писателей, архитекторов. Многие из этих людей хотели сами лично пережить атмосферу «Калевалы». Для этого они ездили на паломничество в те места, где материалы для Калевалы были собраны Лённротом и другими. Это была Карелия на финской и на российской стороне восточной границы Великого Княжества Финляндского. Так возникло культурное направление, названное «карелианизмом». Одновременно была подготовлена и идеологическая почва для будущих политических стремлений. Это и является второй ступенью в теоретической схеме развития национальной идеи.

Постепенно в течение второй половины XIX века ученые, занимающиеся фольклором и Калевалой, начали осознавать принципиальную разницу между этими двумя явлениями. Калевала являлась не реконструкцией древнего народного эпоса, а творением Лённрота на основе устного эпического фольклора. Новое мнение было представлено основоположником изучения истории финской литературы и фольклора Юлиусом Кроном в 1870-е гг.⁸. Но в широких кругах все еще отождествляли Калевалу и древние знания, жизнь финнов. Американский фольклорист Вильям Вильсон, глубоко знавший историю изучения финского фольклора, даже обвинил финских фольклористов в заговоре и обмане. Он считал, что они хорошо знали об этой разнице, но продолжали публично представлять «Калевалу» как документ о древней культуре и истории финнов⁹.

Дискуссия о мифологическом или историческом характере «Калевалы» и эпической поэзии получила новое значение в Финляндии в начале XX века. Тогда российские власти начали постепенно элиминировать элементы автономного государственного положения Великого Княжества Финляндского, что представляло угрозу для будущего существования финской нации. Профессор фольклористики Хельсинкского университета и ведущий знаток эпической народной поэзии Каарле Крон, сын Юлиуса Крона, до тех пор считал финский эпос сугубо мифологическим, не имеющим какой-нибудь связи с историческим прошлым финнов. Также он считал эпическую поэзию по сути христианской, а по возрасту средневековой.

В суровых условиях Первой мировой войны некоторые комментаторы даже публично в газетных статьях просили Крона, чтобы он признал исторический облик старой эпической поэзии и таким образом дал финнам древний пример и надежду о том, что уже давно умные полководцы сумели провести финнов через трудные моменты в истории. Наконец, в 1917-м году Крон изменил свою точку зрения, по мнению Вильсона, из-за нажима общественности, и опубликовал свою новую ориентацию в изучении эпической поэзии. Теперь Крон придерживался мнения, что эпическая поэзия возникла в доисторическое время, в железном веке и отражала реальные исторические события¹⁰. Окончательно Крон изложил свою точку зрения

в книге «Вопросы Калевалы» в 1918 году¹¹. Переориентировка К. Крона отчетливо иллюстрирует ту роль, которую фольклористы могли играть в переломной ситуации.

1917-й и следующие годы были бурным периодом в истории Финляндии. Метрополия Финляндии – Российская империя, потерпела поражение в Первой мировой войне и, наконец, рухнула. Финляндии удалось в такой ситуации достичь государственной независимости и получить международное признание. Так, неожиданно достигли последней ступени теоретической схемы национализма. Одновременно в стране обострились общественные и политические противоречия, что привело к кровавой гражданской войне в первой половине 1918 года. Сразу после этого начались полуофициальные военные и политические авантюры белых добровольческих военных формирований в Российской Карелии, несмотря на то, что в Карелии националистические идеи финнов в основном получали вялый отклик среди местного населения. Потом потерпела поражение в войне и рухнула новая метрополия Финляндии, имперская Германия.

В ситуации, когда разные государства и их границы оказались нестабильными, националистические радикальные энтузиасты в молодой независимой Финляндии начали развивать идею о Великой Финляндии, охватывающей и ареалы проживания на территории Советского Союза народов, родственных финнам – карел и ингерманландских финнов. Их освобождение от чужой власти и присоединение к финнам стало мечтой новой общественной организации, Академического Общества Карелии. Уже само название этой организации показывало, на какой социальный слой опиралась ее деятельность. Многие фольклористы стали активными членами общества.

Таким образом, можно утверждать, что «Калевала» имела некоторое косвенное влияние на оформление агрессивной политической идеологии и активности в Финляндии. Руководители и идеологи Академического Общества Карелии вдохновлялись атмосферой эпоса и той традиционной культурой в Карелии, которая, прежде всего, сохраняла бесценную эпическую традицию. Возможное присоединение территории с карельским населением к Финляндии имело и экономический аспект. Представители лесной промышленности думали о богатых лесных ресурсах в Карелии, однако проект имел главным образом националистическую идеологическую и геополитическую основу.

Во время существования Академического Общества Карелии в его деятельности принимали участие и многие видные фольклористы, в том числе будущие профессора Хельсинкского университета, а потом академики, Мартти Хаавио и Матти Кууси. Их задачей было проведение устной и письменной националистической пропаганды в обществе. Оба они были не только уважаемыми учеными, но и признанными поэтами.

Спор о том, где возникли эпические песни, начался еще в 1870-х годах. Элиас Лённрот и его современники считали эпос карельским. Несколько десятилетий спустя исследователи обратили внимание на многие факты, опровергавшие карельское происхождение эпических песен. Скоро была развита теория, согласно которой эти песни возникли на юго-западе Финляндии в доисторическое время, и оттуда перешли на восток и север. Эта теория имеет реальные основания, но она отлично служила идеологическим целям: так могли представить Калевалу достоянием всего финского народа, а не только жителей восточной и северной периферии, где в основном были записаны материалы. Историк Ялмари Яаккола в 1920–1930-х гг. очертил древнее общество героев-воинов и полководцев в определенном регионе Западной Финляндии, который, как ни странно, был родным регионом самого историка¹².

В 1920–1930-е гг. фольклористы были склонны подчеркивать героический характер эпических песен. Мартти Хаавио в своей книге уделил внимание и мифологическим элементам и волховской деятельности главного героя Вяйнямейнена, но он считал его, прежде всего, полководцем, а эпические песни героической поэзией¹³. В эти десятилетия появилась и точка зрения, коренным образом оспарившая мнение финских ученых. В Советской Карелии заинтересовались собиранием и изучением карельского фольклора и идеологическим значением «Калевалы» и видели в эпосе изображение первобытно-коммунистического доклассового карельского общества. В 1935-м – юбилейном году «Калевалы» соревновались праздниками между Хельсинки и Петрозаводском, а через несколько десятилетий село Ухтуа в северной части Советской Карелии, где было записано множество песен «Калевалы», было переименовано в Калевала, и оно до сих пор так называется.

Во время Второй мировой войны Финская армия завоевала и три года оккупировала основные регионы проживания карельского населения в Советской Карелии. В это время ученые-фольклористы и этнологи проводили полевую работу среди той части населения, которую советские

власти не успели эвакуировать во время наступления финской армии летом 1941 г. Одновременно проводилась великофинская пропаганда среди населения и в школах дети изучали историю с финской точки зрения.

Поражение в войне, крах великофинской идеологии и тотальная переориентация во внешней политике Финляндии означали и перелом во взглядах фольклористов. Это отчетливо заметно, например, в ежегоднике Общества Калевалы в 1945-м году. Книга во многом посвящена финско-русским контактам в народной культуре и фольклоре. Несколько позже сам Хаавио с печалью написал о том, что славный период в фольклористике окончательно ушел в прошлое и утерян¹⁴. Переориентация самого Хаавио заметна в том, что в исследовании о Вяйнэмейнене в его образе он уже не видит полководца, а, прежде всего, волхва-знахаря¹⁵. С тех пор фольклористы более умеренно говорили о прошлом финского народа и о том, что на самом деле изображает «Калевала». Но связи фольклористики с национализмом оказались до того тонкой темой, что, когда в 1976-м году на английском языке вышло критическое исследование Вильсона, фольклористы не знали как к нему относиться. Также, когда в 1985 юбилейном году «Калевалы» был опубликован финский перевод книги Вильсона, то ее издал Союз Просвещения Рабочего Движения, а не Финское Литературное Общество, для которого такая публикация была бы профильной.

Со временем фольклористы Финляндии все больше ориентировались на международное сотрудничество и меньше занимались идеологическими вопросами национализма, но не забыли о них. Один из ведущих финских фольклористов последних десятилетий XX века Лаури Хонко в начале 1980-х годов заметил, что до тех пор в ресурсах фольклористики ощущалась ее важность для национального идентитета финнов. Начиная с середины 1980-х годов фольклористы все более критически и аналитически изучали конструирование национального идентитета с помощью фольклора и прошлую деятельность самих фольклористов в этом. Чем лучше была обеспечена независимость Финляндии, тем меньше и фольклористам приходилось нести за нее ответственность.

У нас есть основание полагать, что «Калевала» и деятельность фольклористов внесли свой вклад в достижение независимости Финляндии, но мы никогда не сможем точно доказать, в какой мере независимость была достигнута благодаря деятельности Лённрота и его преемников. Также можем заметить, как злоупотребляли значением «Калевалы» и народной культуры в интересах агрессивного национализма. Но в этом Элиас Лённрот и фольклористика никоим образом не виновны. Значительная часть финских фольклористов всегда понимала, что такое национальное культурное наследие, как «Калевала», является органической частью мирового культурного наследия и, высоко оценивая собственные традиции, мы можем так же высоко оценить традиции других народов.

¹ Loima, Jyrki. Myytit, uskomukset ja kansa. Johdanto moderniin nationalismiin Suomessa 1809–1918. – Helsinki: Yliopistopaino, 2006. – Siv. 63–65.

² Kuusi, Matti. Introduction. – Finnish Folk Poetry: Epic. Ed by Matti Kuusi, Keith Bosley, Michael Branch. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1977. – P. 29.

³ Leerssen, Joep. National Thought in Europe. A Cultural History. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. – P. 109–126.

⁴ Kuusi, Matti. Introduction. – Finnish Folk Poetry: Epic. Ed by Matti Kuusi, Keith Bosley, Michael Branch. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1977. – P. 29; Honko, Lauri. Textualizing Siri Epic. FF Communications 264. – Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 1998. – P. 169.

⁵ Hroch, Miroslav. Social preconditions of national revival in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁶ Hobsbawm, Eric. Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁷ Karkama, Pertti. Kansakunnan asialla. Elias Lönnrot ja ajan aatteen. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008. – Siv. 270.

⁸ Hautala, Jouko. Suomalainen kansanrunouden tutkimus. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1954. – Siv. 191.

⁹ Wilson, William. Folklore and Nationalism in Modern Finland. – Bloomington: Indiana University Press, 1976.

¹⁰ Wilson, William. Folklore and Nationalism in Modern Finland. – Bloomington: Indiana University Press, 1976. – P. 79–82.

¹¹ Krohn, Kaarle. Kalevalan kysymyksiä. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1918.

¹² Wilson, William. Folklore and Nationalism in Modern Finland. – Bloomington: Indiana University Press, 1976. – P. 106–111.

¹³ Haavio, Martti. Suomalaisen muinaisrunouden maailma. – Porvoo: WSOY, 1935. – Siv. 420–421.

¹⁴ Haavio, Martti. Hajamietteitä kansanrunoudentutkimuksemme tulevista tehtävistä. – Virittäjä 50 (1946). – Siv. 345–352.

¹⁵ Haavio, Martti. Väinämöinen. – Porvoo: WSOY. 1950. – Siv. 307–310.

У статті обговорюється початок і розвиток фінської національної ідеї, починаючи з кінця XVII століття. Відділення Фінляндії від Шведської королівства та приєднання до Росії на початку XIX століття було водорозділом, що примусив фінських учених в університеті Турку перебудувати свій ідентитет. Загальний інтерес до епічної народної поезії та різні спроби опублікувати поеми привели до створення Еліасом Леннротом національного епосу «Калевала» у 1835 році. Пізніше фінські фольклористи брали участь у побудові фінської національної ідеї та національної держави. Після Другої світової війни націоналістична орієнтація поступово перетворилася на аналітичний та критичний розгляд націоналізму та ролі фольклористичних досліджень у конструюванні нації.

Ключові слова: Фінляндія, фінська національна ідея, націоналізм, епос, фольклор, фольклористи, Калевала, Росія.

The article discusses formation of the idea of a Finnish nation, starting at the end of the 17th century. The separation of Finland from the Swedish Kingdom and incorporation into Russia in the beginning of the 19th century was a watershed that forced Finnish scholars at the Academy of Turku to rethink their identity. The general interest in epic folk poetry and various attempts to publish poems in printed form led to the creation of the Finnish National Epic Kalevala by Elias Lönnrot in 1835. Since then Finnish folklorists have participated in the construction of Finnish national idea and national state. After the WWII the nationalistic orientation was gradually replaced by an analytical and critical perspective on nationalism and folklore studies in construction of a nation.

Keywords: Finland, Finnish national idea, nationalism, epic, folklore, folklorists, Kalevala, Russia.